

УДК 325.14

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ИЛИ ДЕПОРТИРОВАННЫЕ? ОБРАЗЫ ЧУЖАКОВ И СТРАТЕГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ОТЧЕТАХ ПАРТИЙНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРИКАМЬЯ

А. В. Чащухин

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, Пермь, ул. Студенческая, 38
alexandr-pstu@mail.ru

Изучается ситуация столкновения эвакуированных граждан и «местного» населения в начале Великой Отечественной войны. Рассматриваются механизмы болезненной идентификации «своих» и «чужих» в условиях военного тыла. Выясняется, что социальные конфликты обострялись под влиянием разных дискурсов и смыслов: языка официальных лозунгов и повседневных смыслов, восходящих к довоенному времени. Практики, связанные с эвакуацией, порождали особый язык официальной отчетности. За эвфемизмами партийных документов распознаются особенности социальной травмы, полученной эвакуированным и местным населением.

Ключевые слова: эвакуация, Великая Отечественная война, идентификация, дискурс, стигматизация, стигма.

«В колхозах приготовлены квартиры, чисто вымытые комнаты в домах колхозников, в отдельных колхозах, как “Красная нива” <...> была выдана мука, чтобы в ночь к утру напечь душистого пшеничного хлеба и встретить своих братьев с отцовской и материнской заботой»¹. Перед нами типичная райкомовская докладная руководству Молотовской (Пермской) области августа 1941 г. Использование газетных штампов в таких документах стало уже традицией. Этот текст от прочих отличался разве что более эмоциональными оборотами. Эмоциональность автора маскировала попытку оправдаться в последовавшем разочаровании: «...почти всю ночь колхозники Третьяковского с/совета дожидались приезда эвакуированных, чтобы в первую же минуту окружить заботами, так был подготовлен прием, но получилось несколько иное». Ленинградские рабочие отказались выходить из эшелона и ехать в приготовленные гостеприимными колхозниками квартиры. Понять их было можно. Вместо обещанного Омска – находящаяся посреди леса станция Верещагино (один из райцентров Молотовской области), вместо города и работы на заводе – колхозная жизнь. Этот эпизод был типичен для Прикамья того времени. На другой станции эвакуированные реагировали подобным же образом: «Заворачивайте нас обратно и везите туда, откуда мы приехали, а вылезать мы не будем. Привезли вы нас куда-то в лес, в тайгу и мы не вылезем»². За такими ситуациями следовали социальные и культурные проблемы тыла, вызванные эвакуацией.

Массовое перемещение людей и предприятий из западных и столичных регионов СССР еще в советское время стало одним из элементов официальной исторической памяти о войне. Демонстрация единства фронта и тыла, совместное преодоление невзгод воплощались в литературе и кинематографе. Лишения и страдания при этом рассматривались сквозь призму патетики, выражаемой лозунгом: «Все – для фронта, все – для победы!». В советских исторических исследованиях этот эмоциональный призыв, выражающий идею трудового подвига, требовал перевода на объективистский язык науки. Обычно это делалось посредством статистики: подсчета количества перевезенных в тыл заводов и выпускаемых танков, орудий и самоходок.

В постсоветское время тематика и язык научных исследований претерпели существенные изменения. Отчасти это связано с тем, что в научный оборот был введен круг новых источников: неизвестных прежде мемуаров, недоступных ранее архивных документов, многочисленных свидетельств «устной истории». Главное же изменение заключается в том, что произошло изменение научной оптики, позволяющей обнаруживать прежде незамечаемые проблемы. Речь идет в первую очередь об изучении повседневности, жизненного мира «обычного» советского человека. Смещение фокуса на этот уровень позволило обнаружить острые конфликты между местным и эвакуированным населением, примеры организационного хаоса и личных трагедий [Янковская, 2004; Лейбович, 2014; Потемкина, 2002; Самуэльсон, 2010]. Это видение представляло преимущественно взгляд со стороны эвакуированного населения, испытавшего шок от утраты родного дома и непри-

ятия местным населением.

Попытаемся взглянуть на ситуацию с иной точки зрения. Массовое перемещение людей спровоцировало культурный шок, который испытало как местное, так и эвакуированное население. Его настроения преломлялись в официальных документах различного происхождения: отчетах хозяйственников и советских чиновников, материалах партийных инстанций. Рассматривать подобные источники можно, следуя логике традиционной исторической реконструкции. В этом случае анализ и сопоставление материалов разного происхождения позволяют «преодолеть» идеологическую и социальную позицию автора документа. Между тем официальные материалы говорят еще и о способах интерпретации проблем советского тыла партийными функционерами. Как отбиралась для вышестоящих ведомств информация? Как ранжировались по значимости происходящие события? Что становилось фигурой умолчания? Какие эвфемизмы использовали представители номенклатуры для объяснений реалий военного времени?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо в общих чертах представить социальный и культурный ландшафт Прикамья накануне войны. Молотовская область была не самым экономически отсталым и социально неблагополучным регионом страны. Между тем жителям западных областей СССР и двух столиц Прикамья должно было представляться опасным для проживания захолустьем. На то были основания. После отмены карточек система распределения продолжала сохранять географическую градацию снабжения. По данным, которые приводит Е.А.Осокина, в 1939–1940 гг. на снабжение Москвы и Ленинграда уходило более половины всего рыночного фонда [Осокина, 2008, с.253–254]. В каких условиях оказывались эвакуированные? В качестве одной из иллюстраций уровня жизни местных жителей приведем показатели детской смертности в регионе. Обычно эти данные связывают с качеством питания и медицинского обслуживания населения. «Секретарь горкома с гордостью отчитывался перед областным начальством в том, что за первые пять месяцев 1941 г. смертность детей в возрасте до трех лет снизилась до 19,1% по отношению к рождаемости»³. В 1939 г. 24,4% детей умирало, не дожив до указанного возраста.

Этот пример, конечно, свидетельствует не о том, что жизнь москвича или ленинградца была безоблачной в сравнении условиями рабочего Перми или Кунгура. Уместнее было бы говорить о том, что рабочие Прикамья жили еще беднее населения столиц, даже если были приписаны к тому же промышленному ведомству. Такая стратификация, основанная на «иерархии бедности» [Осокина, 2008], обычно имеет особенность. Ее малейшие изменения переживаются людьми чрезвычайно остро. С началом войны, которая усугубила ситуацию, связанную с лишениями первых пятилеток, эвакуированные принимались местным населением как те, кто может забрать последнее. Нехватка продовольствия в условиях нищенского быта, сокращение поставок из других регионов, военный призыв, забирающий из промышленности и сельского хозяйства экономически активное население, формировали тот социальный ландшафт, в котором происходила эвакуация. Страхи, рожденные войной, поддерживались очередным введением карточного распределения хлеба. Социальную напряженность было трудно скрыть за фасадами таких фраз, как «введение карточек на хлеб трудящиеся города Молотова встретили единодушным одобрением, заявляя, что введение карточек позволит нашей стране создавать необходимые резервы хлеба на время отечественной войны»⁴. Реакция населения была обычно быстрой и прагматичной: «Перед введением карточной системы сразу же у магазинов создались огромные очереди и появились скупщики хлеба. Так, например, ветфельдшер В.Боровского участка Мальгин И.Ф. с гр-ном Мальгиным А.Ф. в течение 2-х дней скупили 116 кгр печеного хлеба. Мальгины привлечены к уголовной ответственности, а хлеб изъят»⁵. Партийные документы иногда отражали возмущенные отклики жителей области. Но подавали их как следствие слабой политической работы с населением, отдельные представители которого продолжают оставаться «несознательными элементами», например: «На заводе “Красный Строитель” мастер карьера Солодовкин говорит: “Теперь придется подыхать как тараканам”, а сам имеет поросят и корову. Радыгин – работник Конного парка Треста 12 говорит: “только началась война и нас уже садят на паек”»⁶. Обострению проблемы нехватки ресурсов способствовала и организационная неразбериха: введение карточек не было согласовано между властными структурами. Так, начальник облторготдела отправлял множество телеграммам и писем в обком и прокуратуру области с жалобами на власти г. Соликамска, которые, по его мнению, «самовольно» ввели карточки. Примечательна реакция первого секретаря обкома Гусарова, наложившего резолюцию: «Соликамску даны указания <...> Пусть сам облторготдел не психует, скажите о принятых мерах»⁷.

Массовое перемещение людей из западных областей СССР имело политические и культурные последствия. Идентификация социального статуса советского человека строилась на двух основаниях: «Где вы живете? На каком предприятии работаете?». [Осокина, 2008]. Сложившаяся в условиях создания карточной системы в 1931–1934 гг. эта система координат в несколько «смягченном» виде продолжала существовать и во второй половине 1930-х гг. Очевидно, что для рабочего, приехавшего из прифронтовых областей СССР, потерявшего работу и жилье, эвакуация означала выпадение из социума, утрату основных маркеров его идентичности и места в социуме.

Технически способы эвакуации были близки прежним практикам насильственного переселения и депортаций [Верт, 2010, с. 195–233]⁸. Между тем люди, прибывавшие в Молотовскую область во время войны, не были официально поражены в правах. Более того, эвакуация становилась частью большого государственного дела. Представляется, что несоответствие уже привычных для местного населения практик и их нового символического наполнения повысило напряженность и расширило конфликтное поле. В представлении местного начальства новые проблемы, связанные со снабжением и логистикой, напоминали ситуацию с размещением и снабжением репрессированных в 1930-е гг. лиц. Между тем попытки легализовать эту группу населения, придать ей официальный статус имели неожиданные для власти последствия. «Забота», которой необходимо «окружить» приезжих уже предполагала неравные отношения.

Политически «равные» эвакуированные, с точки зрения местных жителей, становились трудно идентифицируемой категорией населения, что усиливало фобии по отношению к ним. Секретари райкомов и проверяющие чиновники, приезжавшие из областного центра, приводили примеры политически неправильного отношения к эвакуированным со стороны местного начальства, которое обозначалось как «нечуткое», «нетактичное», «нетоварищеское» поведение. За этими эфемизмами нередко следовали примеры: «Заткните глотку, не говорите, я сам все знаю <...> Мы Вас сюда не приглашали, хотите – работайте, не хотите, можете уезжать <...> Мы вас совсем не станем кормить»⁹. Подобные реплики нередко встречаются и в воспоминаниях эвакуированных и связаны с первыми впечатлениями от нового места жительства.

За «нетактичностью» чиновника обнаруживалась распространенная в обществе ксенофобия. Не случайно отношение к приезжим нередко облекалось в форму антисемитизма [Потемкина, 2002; Янковская, 2004; Жангуттин, 2006; Лейбович, 2014]. Традиционные предрассудки в ситуации войны способствовали конструированию врага по национальному признаку. О масштабах этого явления по имеющимся источникам судить трудно. По мнению О.Лейбовича, редкое упоминание антисемитизма военных лет в официальных материалах не является свидетельством его незначительного распространения. Упоминание его в контексте повседневных практик говорит о том, что явление было укоренено в представлениях тылового населения [Лейбович, 2014].

Для партийного чиновника ксенофобия представляла проблему в той степени, в которой имела шанс попасть в сводку или отчет о настроениях местного населения. Избегая обозначать эти проблемы, представители власти были вынуждены хотя и в других терминах, фиксировать социальные конфликты, тем более что неприязнь к «чужакам» рождала ответную реакцию со стороны приезжих: «Имеется случай в колхозе “Передовик”, Шерьинского сельсовета, утонул мальчик 6 лет, которого искали в течение 5 дней, в последствии всплыл, у приезжающих настроение не хорошее. Заявляют, что мальчика потопили колхозные ребята, проверкой установлено, факт не подтверждается, сейчас ведется следствие»¹⁰. Конфликт между эвакуированным и местным населением стал одной из самых острых проблем начала войны. Очевидно, именно с этим связаны попытки официальных газетных текстов показать лучший пример, представить ситуацию в терминах «семейственности», когда старший брат помогает бедному родственнику, предоставляя ему хлеб и кров от всего сердца.

Между тем сами обстоятельства, в которых должно было складываться социальное взаимодействие, не могли не провоцировать разлад. Организационная неразбериха, невозможность обеспечить приезжих жильем, товарами и продуктами ввергали всех участников предполагаемого взаимодействия в состояние культурного шока. Эвакуированных необходимо было накормить, подвергнуть санитарной обработке, произвести предварительный учет и разверстку по населенным пунктам, найти жилье, приписать к тем или иным предприятиям. Хотя столичные ведомства, в частности Совет по эвакуации, координировавший работу ведомств, а также наркоматы, слали на места инструкции по организации эвакуации, их распоряжения часто не выполнялись. Это признает

и Г.А.Куманев, оценивающий эвакуацию в целом как эффективно организованный процесс: «...большинство текущих вопросов, связанных с восстановлением эвакуированных фабрик и заводов, решалось в оперативном порядке на заседаниях бюро и секретарями обкомов по соответствующим отраслям промышленности» [Куманев, 2006, с. 7–27]¹¹. На первый взгляд, материалы пермских архивов подтверждают эту картину. Местные власти часто действовали «по ситуации». Между тем, рассматривая региональную картину, трудно согласиться с оценкой эвакуации как эффективно организованного процесса. Анализ этого процесса с точки зрения административной работы центральных ведомств и позволил сделать такой вывод.

Решения центра часто не выполнялись из-за ошибок в логистике или дефицита ресурсов. При этом неизбежно возникал конфликт между государственными, партийными и хозяйственными ведомствами. Размещение приезжих чаще всего было более слаженным, если рабочие эвакуировались вместе с заводом. Однако часть эвакуированных прибывали «своим ходом» вслед за близкими¹². В райкомовских отчетах эта категория обозначалась как «неорганизованно прибывшие», приехавшие в результате «неорганизованного следования». Судя по источникам, речь шла, в первую очередь, о воссоединении семей: «в порядке неорганизованного следования принято 50 чел. (мужья вслед за семьями)¹³. Случалось также, что люди, не принадлежавшие к работникам предприятия, эвакуировались вместе с «ведомственным» эшелонам. Их учет и контроль осуществлялся силами транспортной милиции и местных органов НКВД.

Успешное размещение порой зависело от того, в каком по очередности эшелоне приезжали эвакуированные. Нередко на местах устраивали образцовую встречу первого состава эвакуированных, после чего прибывал другой эшелон, который уже никто не ждал. Хотя причиной могли быть объективные трудности, дело порой заканчивалось поиском виновного из числа местных начальников: «Распределение и размещение, а также устройство на работу эвакуированных первых двух эшелонов прошло значительно лучше, чем приехавших с третьим. Причина этому та, что горком ВКП(б) дал указание принять всех директору кожкомбината, который не обеспечил выполнение поставленной задачи. Помещения для размещения не были подготовлены. Всех эвакуированных поместили в клуб кожкомбината, в котором проходит ремонт. Всюду грязь, пыль, щебень, из уборных всюду ползли черви и т.д.»¹⁴. Прием эвакуированного населения оказывался одной из самых острых проблем ввиду отсутствия подходящих помещений и загруженности местных начальников, вынужденных решать множество вопросов. С позиций руководства обкома это выглядело как безответственность. Инструктор орготдела Пьянков возмущенно цитировал фразы районных хозяйственников и партийцев: «... у меня помещений для размещения нет, на частные квартиры к свои рабочим могу разместить не более 15-20 семей, а остальных размещать совершенно не знаю куда. На этот вопрос я обратил внимание первого секретаря ГК ВКП(б) Маслова, но последний мне заявил, что пусть размещает куда хочет, а в городе ни одного метра жилплощади ему не дадим»¹⁵.

Руководители районов в этих условиях порой обращались к особому жанру отчетов, выдержанных в оптимистическом духе и интерпретирующих возникающие проблемы как «отдельные недостатки», допущенные несознательными эвакуированными, местными жителями или властями. Для того чтобы объяснить поведение приезжих, использовался язык газетных передовиц, который разбавлялся соответствующими примерами: организация питания и снабжения, энтузиазм перемещенных лиц, включившихся в трудовую жизнь. Ситуации описывались в основном через индивидуальные примеры. Можно сказать, что в каждом отчете жил эвакуированный передовик и несознательный гражданин. Их позиции были неравными. Первый трактовался как демонстрация нормы, второй – как отдельный эпизод политической недоработки.

За этим «кривым зеркалом» отчетов обнаруживались реальные конфликты. Размещение эвакуированных лиц было первой проблемой среди возникавших в дальнейшем трудностей. Необходимо было на основе произведенной «селекции» приписать приехавшего человека и к определенному типу снабжения. В связи с этим возникала проблема идентификации социального статуса приезжего. В одном прибывшем эшелоне оказывались семьи рабочих крупных и мелких предприятий, командного состава РККА и представителей интеллигенции.

Полностью инкорпорировать приезжих в местную социальную структуру было почти невозможно. Как следствие этого – огромное количество эвакуированных утрачивали свой довоенный статус, занимая должности, не соответствующие их прежней работе. Таким образом, номинация

«эвакуированные» приобретала противоречивое, подчас маргинальное значение. С одной стороны, социальные позиции и функции этих людей были прописаны в официальных текстах, с этой точки зрения эвакуированные оставались частью того же советского социума¹⁶. С другой стороны, практика перемещения, отсылавшая к насильственным депортациям прежних лет, эрозия прежней социальной структуры при ощущении временности происходившего невольным образом превращали эвакуированных в маргиналов. Препятствовать этому процессу местные власти не очень активно и стремились. Так, на октябрьском пленуме Молотовского обкома ВКП(б) 1941 г. его первому секретарю Гусарову поступило замечание: «По размещению эвакуированного населения трудно пришлось разместить Гомельское население. Люди, которые больше всего работали на предприятиях Полеспечати – наборщики, печатники, переплетчики и т.д. С сельским хозяйством они совершенно незнакомы». В ответ Гусаров бросил характерную реплику: «Чего им знакомится с сельским хозяйством. Неужели рабочие не умеют лопату в руках держать?»¹⁷

Между тем не реагировать на нужды эвакуированных было нельзя. На их положение регулярно обращала внимание центральная власть. Головную боль рождали и жалобы привилегированной части эвакуированных – обычно жен командного и политического состава РККА, писавших мужьям письма, в ответ на которые обком получал телеграммы следующего содержания: «Политуправлением Ленинградского фронта эвакуированы [в город] Молотов тридцать пять семейств [которые в] Молотов не допущены [и] высажены [в] Лысьве. По сообщениям семей и сопровождающих оставаться в Лысьве невозможно. Прошу вашего срочного вмешательства [и] создания необходимых [для них] условий. Результаты прошу телеграфировать»¹⁸. Оставлять подобные требования без внимания было нельзя. Назначаемые в связи с этими требованиями проверки условий проживания эвакуированных фиксировали лишь отдельные недостатки. По данному эпизоду выводы партийной комиссии были следующими: «При моем осмотре обнаружены только три недостаточно удовлетворительных комнаты – малы по площади и грязные (две из них заняты по собственному желанию эвакуированных, понравились хозяева). Остальные вполне соответствуют своему назначению. Неудовлетворенна комнатой только одна семья – 5 кв. мет. – живут три человека. Предложено предоставить другую»¹⁹.

Обратим внимание на нормы жилплощади, признаваемые неудовлетворительными проверяющим врачом и представителем горисполкома. Приемлемой же определяется площадь в партийном отчете о размещении другой группы эвакуированных: «Жилищами все эвакуированные обеспечены вполне удовлетворительно <...> В поселке Очере плотность населения на жилую площадь поднялась на 1/6 или с 3,6 метра на одного человека до 3 кв. мет.»²⁰. Граница между обоснованной претензией и «наглými» требованиями эвакуированного устанавливались в значительной степени исходя из повседневных представлений. Так, жалобы на нехватку дров или молока для детей, на плохую организацию питания в столовых или отсутствие местного рынка могли считаться справедливыми. Выход же требований за принятые рамки порождал резко негативную реакцию: «Матюшина – учительница совершенно отказалась идти на работу, все время настаивала на отправке в Куйбышев. Свой отказ она мотивировала тем, что в Соликамске она жить не может, т.к. здесь нет ни фруктов, ни настоящего рынка и наконец климат ей не по душе»²¹. На основе многочисленных примеров подобного рода можно говорить о том, что в жизненном мире партийного чиновника эвакуированный человек конструировался в виде предельно противоположных положительных и отрицательных образов. Эвакуированный должен был, в глазах местного руководителя, быстро включиться в трудовую и общественную деятельность и по возможности меньше сетовать на тяжелые бытовые условия. Например, эвакуированный Светлов мог бы являться образцом политической сознательности: «Член ВКП(б) Светлов Николай Яковлевич работает рядовым колхозником <...> Ему не понравилась недисциплинированность, колхозницы выходили на работу в 10-11 часов дня, работали не спеша. Тов. Светлов повел массовую политическую работу, стал бичевать дезорганизаторов. Сначала его недолюбливали, а теперь он имеет хороший авторитет среди колхозников. Он заработал 40 пудов картошки, имеет много хлеба, заработанного в уборочную при обмолоте. Он доволен всем»²².

«Несознательный» эвакуированный, согласно этим представлениям, брюзжит и задается, требует лучших для себя условий, главное – не стремится работать. Его требования воспринимаются как абсурдные и неприличные, особенно если это требования белого хлеба, сахара и масла в более значительных количествах. Как пример таких требований в отчетах приводилось следующее заявление эвакуированной: «Я должна употреблять со своей семьей ежедневно фунт масла»²³. Пожалуй, в наибольшей мере образу «несознательного» эвакуированного соответствовали так называемых «тысячницы» — упомянутые жены командного и политического состава Красной Армии. Прозванные так за размеры пособий, получаемые в качестве «аттестата» за мужа (в реальности сумма могла быть как меньше, так и существенно больше), эти женщины стали в тылу настоящими фольклорными персонажами. Несмотря на

немногочисленность этой категории эвакуированных, именно жены командиров Красной Армии особенно выделялись из общей массы. Получаемые деньги позволяли им не работать. Жалоба мужу или родным могла привести к внеочередной проверке со стороны обкома. Иной уровень жизни в условиях усилившейся социальной поляризации общества при официальной эгалитаристской идеологии стал восприниматься как явная девиация, как демонстративное неприличное поведение. «Тысячница» стала олицетворением мифа об эвакуированных, «которые приехали с большими деньгами и скупили все на рынке».

В реальности же все было не так благополучно. Получаемые деньги было сложно отоварить. Система распределения, привязанная к производству, для многих из них была закрыта. Рынок, если таковой вообще существовал, предлагал продукты и товары по спекулятивным ценам. Тем не менее отступление от официальной идеологии (тунеядствует) и норм повседневности (предъявляет непомерные требования, ухоженный вид) вызвали резонанс. Иначе трудно объяснить, почему транслятором этих представлений оказался и руководитель области Гусаров: «Ясно, что есть люди, которые отвыкли работать, и эти Дуньки <...> их немного, но значительная доля <...> и все Дуньки, которые там завелись, с ними просто надо провести усиленную работу, кроме того, выполнить указ и выселить из города Молотова и на паспорте делать запрещение проживать в городах, а там в колхозах запретить оказывать помощь тем, которые ничего не хотят делать»²⁴.

Кроме того, существовал и более отрицательный образ эвакуированного, конструируемый по уже привычным лекалам. Приехавший в Прикамье человек мог оказаться оборотнем – завербованным немецким шпионом. В этом случае речь шла уже не о публичном порицании, а об организации следователями НКВД шпионских дел, персонажами которых становились эвакуированные рабочие. Здесь в полной мере использовались наработки времен Большого террора. Одно из таких дел было сфабриковано на одном из заводов г. Молотова. Об этом деле говорилось на пленуме Молотовского обкома в октябре 1941 г.: «Мы сейчас по 98 заводу посадили некоторых людей и думаем, что не напрасно посадили, сперва так сомневались сажать или не сажать, и видим – не напрасно – сволочи сидели, гитлеровские представители, поэтому и такая распушенность. Много товарищи еще у нас благодушия, беспечности, которые нужно выжигать каленым железом и на других предприятиях»²⁵.

В подобных делах, как и в 1930-е гг., плохая организация производства и регулярные аварии на заводах объяснялись подрывной деятельностью шпионов и диверсантов. В условиях войны на «вредителей» можно было списать и социальную напряженность, связанную с эвакуацией, например, в следующем случае: «Имел место и такой факт, когда в общежитии с людьми проводили беседу с предложением работы, несколько человек старались создать панику среди эвакуированных выкриками, что на эти работы они не пойдут, не советуют и другим идти на них. Органами НКВД эти люди изъяты (8 человек)»²⁶. Публичное возмущение трудящихся изображалось в одних случаях как следствие политической незрелости начальства и местного населения, в других – как влияние антисоветской агитации, осуществляемой завербованными агентами фашистской Германии.

Таким образом, с началом войны было нарушено неустойчивое социальное равновесие в советской провинции, определяемой отныне как «советский тыл». Эвакуация при этом стала важным катализатором социального конфликта, разворачивавшегося на повседневном уровне и серьезно беспокоившего власти. Региональная номенклатура старалась интерпретировать конфликт в терминах официального языка. Между тем за политическими интерпретациями обнаруживается пласт повседневности, испытавшей шоковое воздействие в начале войны. Столкновение местных и приезжих, скрытая и явная маргинализация эвакуированных приводили к трудностям идентификации этой новой социальной группы. В условиях дефицита ресурсов, военного призыва, изменения ритмов жизни происходила взаимная мифологизация приезжих и местного населения. Эта мифологизация отражала фобии и приобретала форму конструирования несовпадающих образов: передовиков производства, тунеядцев и вражеских шпионов. Иными словами, идентификация и типизация происходили по политическим схемам, рожденным предвоенной идеологией. Вместе с тем приемы распознавания социальных типов существенным образом корректировались повседневными смыслами. Сложность ситуации заключалась в том, что критерии различения нормативного и девиантного поведения стали чрезвычайно зыбкими, даже противоречивыми. Как оказалось, эти представления не имели смыслового единства и чрезвычайно разнились в зависимости от места проживания и социального статуса советского человека. Взаимное отторжение и (или) неадекватная, рассогласованная идентификация, основу которой составляли фобии и мифы местного и приезжего населения, на многие годы определили повседневность советской провинции.

Примечания

¹ Пермский обком КПСС. Сектор информации. Информации, докладные, справки партийных комитетов о размеще-

нии эвакуированного населения и работе с эвакуированными. 29 июля 1941 – 12 января 1942 // Пермский государственный архив новейшей истории (далее ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 26–26 об.

² Пермский обком КПСС. Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б). 20 октября 1941 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 11. Л. 66.

³ Результаты проверки школьных детучреждений г. Молотова. Пермский обком КПСС. Сектор кадров парторганов. Переписка отдела с РК и ГК ВКП(б) г. Молотова по вопросам помощи семьям военнослужащих, о промышленных кадрах, о ликвидации малограмотности и неграмотности среди коммунистов, по вопросам здравоохранения и т.д. Январь 1941 – декабрь 1941 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 293. Л. 41, 55–57.

⁴ Информация в обком о выдаче карточек на хлеб // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 293. Л. 41, 36.

⁵ Пермский обком КПСС. Особый сектор. Докладные записки, сведения, просьбы и переписка областных организаций с обкомом партии по выполнению постановлений бюро, по работе сельского хозяйства и другим вопросам. Сведения о нарушении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. по крупным предприятиям области. Список размещения эвакуированных предприятий легкой и местной промышленности. 2 января 1941 – октябрь 1941 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 86. Л. 88–88 об.

⁶ Пермский обком КПСС // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 293. Л. 37.

⁷ Пермский обком КПСС // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 86. Л. 89.

⁸ О практиках насильственного переселения и депортаций см. историографический анализ Верта: Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система [пер. с фр. А.А. Пешкова]. М., 2010. С. 195–233.

⁹ Пермский обком КПСС. Сектор информации. Информации, докладные, справки партийных комитетов о размещении эвакуированного населения и работе с эвакуированными. 29 июля 1941 – 12 января 1942 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 22 об., 13.

¹⁰ Там же. Л. 22 а-г.

¹¹ На оценку Куманевым эвакуации как эффективно организованного процесса повлиял анализ процесса с позиции административной работы центральных ведомств. Изучение распоряжений и циркуляров, которые производят впечатление упорядоченного процесса, наложили печать на его оценку эвакуации. Кроме того, успех эвакуации оценивается им по ее итогам, к числу которых относится победа в войне

¹² Пермский обком КПСС. Сектор информации. Информации, докладные, справки партийных комитетов о размещении эвакуированного населения и работе с эвакуированными. 29 июля 1941 – 12 января 1942 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 18, 30.

¹³ Там же. Л. 18

¹⁴ Пермский обком КПСС. Сектор информации. Информации, докладные, справки партийных комитетов о размещении эвакуированного населения и работе с эвакуированными. 29 июля 1941 – 12 января 1942 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Образы эвакуированного населения, представленные в советской прессе, требуют отдельного рассмотрения, выходящего за рамки этой статьи. Между тем беглый взгляд на материалы центральных изданий обнаруживает то, что эти образы практически неотличимы от описания тружеников советского тыла в целом. В летних и осенних выпусках «Правды» и «Комсомольской правды» представлены люди, которые совершают героические подвиги в тылу, несут «сталинскую вахту», отдают последние силы фронту. Однако «эвакуированные» среди них встречаются крайне редко. Сам термин «эвакуированные» был изначально бюрократическим, использовался преимущественно в распоряжениях и отчетах центральных и местных органов власти. В тех редких случаях, когда он попадал в передовицы центральной прессы, материал обычно касался усиления партийной работы с населением. Так, на рубеже 1941 и 1942 гг. райкомы Молотовской области отчитывались о проведении агитационно-просветительской работы с населением по материалам передовицы газеты «Правда» от 18 декабря 1941 г. под названием «Забота об эвакуированном населении».

¹⁷ Пермский обком КПСС. Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б). 20 октября 1941 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 11. Л. 66.

¹⁸ Пермский обком КПСС. Сектор кадров парторганов. Переписка отдела с городскими организациями о размещении эвакуированных семей ленинградцев, о помощи эвакогоспиталю, о работе мединститута, с/х института. Список комсомольцев-работников органов милиции Ленинского р-на – добровольцев на фронт, о подготовке рабочих кадров // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 307. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 20–20 об.

²⁰ Пермский обком КПСС // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 23–23 об.

²¹ Там же. Л. 19.

²² Там же. Л. 23–23 об.

²³ Пермский обком КПСС // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 22 а-г.

²⁴ Пермский обком КПСС. Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б). 20 октября 1941 г // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 11. Л. 19–21.

²⁵ Там же. Л. 30.

²⁶ Пермский обком КПСС // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 20.

Библиографический список

Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система: пер. с фр. А.А. Пешкова. М., 2010.

- Фильцер Д. Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй мировой войны: Перевод с англ. Арсения Старкова // Холокост.Сталинизм / ред. и сост. О. В. Будницкий, Л. Г. Новикова. М., 2014.
- Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.) // Новый исторический вестник: журн. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2006. №1. URL: http://www.nivestnik.ru/2006_1/6.shtml (дата обращения: 12.11.2014).
- Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 и 1942 гг // Отечественная история. 2006. № 6. С. 7–27.
- Лейбович О.Л. Антисемитские настроения в советском тылу СССР во Второй мировой войне: Оккупация // Холокост.Сталинизм / ред. и сост. О. В. Будницкий, Л.Г.Новикова. М., 2014.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008.
- Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917 – 1953. М., 2010.
- Потемкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отеч. история. 2002. № 3.
- Потемкина М.Н. Эваконаселение в уральском тылу: опыт выживания // Отеч. история. 2005. № 2.
- Янковская Г.А. Эвакуация, или диалог поневоле // Родина. 2004. №6.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.11.2014

EVACUEES OR DEPORTEES? IMAGES OF STRANGERS AND STRATEGIES OF EVERYDAY LIFE IN THE REPORTS OF THE KAMA REGION PARTY LEADER

A. V. Chashchukhin

National Research University «Higher School of Economics», Stencheskaja st., 38, 614070, Perm, Russia
alexandr-pstu@mail.ru

The conflict between the evacuated citizens and the local population at the beginning of the Great Patriotic War is the subject of the paper. The mechanisms of painful identifying of “us” and “them” in the military rear are considered. The social conflicts were compounded by the clash of different discourses and meanings: the language of official slogans and everyday meanings, dating back to the pre-war period. The practices associated with evacuation created a special language of official statements. The features of social trauma tested by the evacuated and local people are recognized in the euphemisms of the party documents. That trauma manifested itself in a contradictory identification of those who have been evacuated. The image of an evacuee was ambivalent for the representatives of the local authorities and population. An honest toiler and an impudent stranger, a victim of the war and a spy could coexist in this image. Those contradictions of images were associated with a low pre-war standard of living in the Kama region, as well as with the marginality and vagueness of the social position of the evacuated population.

Key words: evacuation, the Great Patriotic War, identification, discourse, stigma, stigmatization.

References

- Vert N. Terror i besporjadok. Stalinizm kak sistema: per. s fr. A.A. Peshkova. M., 2010. S. 195-233.
- Fil'tser D. Smertnost' ot goloda v promyshlennykh rayonakh tyla v gody Vtoroy mirovoy voyny: Perevod s angl. Arseniya Starkova. *Kholokost.Stalinizm* / red. i sost. O. V. Budnitskiy (otv. red.) i L. G. Novikova. M., 2014.S.196-220;
- Zhanguttin B.O. Evakuatsiya sovetskogo naseleniya v Kazakhstan (1941–1942 gg.). *Novyy istoricheskiy vestnik. Zhurnal Rossiyskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo universiteta.* 2006. №1. URL: http://www.nivestnik.ru/2006_1/6.shtml. (data obrashcheniya: 12.11.2014)
- Kumanev G.A. Voyna i evakuatsiya v SSSR. 1941 i 1942 gody. *Otechestvennaya istoriya.* 2006. № 6. S. 7-27.
- Leybovich O.L. Antisemitskie nastroyeniya v sovetskom tylu SSSR vo Vtoroy mirovoy voynе: Okkupatsiya. *Kholokost.Stalinizm* / red. i sost. O. V. Budnitskiy (otv. red.) i L.G.Novikova. – M. : Politicheskaya entsiklopediya(ROSSPEN), 2014.S.280-296;
- Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobilija»: raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927-1941 M., 2008. S.253-254.
- Samuel'son L. Tankograd: sekrety russkogo tyla, 1917 - 1953. M., 2010.
- Potemkina M.N. Evakuatsiya i natsional'nye otnosheniya v sovetskom tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. *Otechestvennaya istoriya.* 2002. № 3. S.148-156.
- Potemkina M.N. Evakonaselenie v ural'skom tylu: opyt vyzhivaniya. *Otechestvennaya istoriya.* 2005. № 2 S. 86-98.
- Yankovskaya G.A. Evakuatsiya, ili dialog ponevoле. *Rodina.* 2004. №6. S. 20-23.